

Модели культуры бесписьменного типа

Первобытность представляет собой наиболее сильный вариант бесписьменной культуры как предмета исследования этнографии, которая собирает в себе все признаки противоположности европейской цивилизации. По мере эволюционного отдаления от этнографического максимума такие признаки становятся все более «прозрачными». Общее, что объединяет отражаемые ими явления, — представление о том, что в их основе лежит устная традиция,* или, в терминах М. К. Петрова, «лично-именное кодирование» наличного знания [М. Петров 1991 : 97].

На уровне обобщения предельно возможного для этнографии как конкретной науки понятие бесписьменной культуры оказывается наиболее близким понятию первобытной / традиционной культуры. Вводя это понятие в научный оборот в целях критики тейлоровского метода «пережитков», Малиновский существенно уточнил тейлоровское понимание культуры, указав на ту «предельную общность». Последнее подразумевает наличие особых способов хранения и передачи информации между поколениями, принципиально отличающихся от письменности. Именно это явление принято обозначать словом «традиция». Нередко сам предмет этнографии идентифицируется с помощью понятия традиционной культуры в широком смысле, хотя обычно понятие традиционной культуры ассоциируется с крестьянской или постпервобытной культурой.

По мнению А. К. Байбурина, «этнографичность — это прежде всего соответствие представлениям исследователя о том, какие явления в наибольшей степени информируют о традиционной культуре данного этноса» [Байбурин 1982 : 8]. Основные характеристики традиции он видит в народности, архаичности и устойчивости [Байбурин 2003 : 15]. При этом упускается из виду главное — «устность» традиции, поскольку понятие «устная традиция» слишком тесно связывается с фольклором в узком смысле слова. Между тем элементы материальной культуры или социальной организации в «культурах ритуального типа» (термин А. К. Байбурина) также являются частью устной традиции. Тезис, связывающий понятие «этно-

* В исследованиях по фольклору термину «устная традиция» придается более узкий смысл произведений народного творчества.

графичности» с понятием культуры, передаваемой неписьменным, т. е. устным — а также наглядным — образом, в работах А. К. Байбурина формулируется методом бриколажа.

Речь идет о положении, согласно которому профессиональный интерес этнографов сосредоточивается на «невербальных системах», что означает приоритет «знаковости» над «вещностью» [Байбурин 1981; Байбурин 1982]. Данное положение некоторым образом ассоциируется с утверждением о том, что мифологическое (первобытное) мышление обладает особым свойством «диффузности», которая проявляется в неотчетливости противопоставления субъекта и объекта [Байбурин 1981 : 78]. Отсюда делается вывод, что «слабое развитие абстрактных понятий компенсируется высокой степенью семиотизации вещей», т. е. предметностью, образностью мышления [там же]. Однако, во-первых, это равносильно утверждению о приоритете «вещности» над «знаковостью», а во-вторых, что для нас более существенно, утверждению, что первобытный человек не способен к абстрактному (логическому) мышлению (ср. теорию «дологического мышления» Леви-Брюля).

В действительности сам факт существования фольклора (мифологии) свидетельствует о совершенно обратном. Различие между «первобытным» и «современным» человеком состоит не в принципах мышления, а в принципах его фиксации. Символизм — это письменность первобытного общества. В отличие от знаков письменности символы тем больше говорят, чем больше они означают. Свойство полисемии, которое обычно *присуждают* символу (Кассирер, Тёрнер), на самом деле является свойством отражения не части, а целого, отдельные аспекты которого становятся актуальными только в определенных ситуациях. Не случайно представление о «многозначности» символа соседствует с утверждениями о его «пустоте» или «произвольности», ибо функционирование символа совпадает с его непрерывным воссозданием. Последнее говорит об универсальности закона тождества исполнения и создания фольклорного произведения («закон Перри-Лорда»), подразумевающего изоморфизм структуры формирования субъекта и предмета исполнения.

В данной связи следует еще раз вспомнить слова Маке: этнология пользуется методами наблюдения и устными расспросами, поскольку «прибегать к помощи архивов или письменных опросников невозможно» [Маке 1974 : 10]. Следовательно,

своеобразии этнологии он видит в ее способе получения информации, создания корпуса эмпирических знаний, которые в итоге и оказываются предметом исследования. В качестве предмета исследования этнологии (ее эмпирического базиса) для него выступает *информация, собранная исследователем без посредства письменных источников* (специфика этой информации определяется чисто внешним образом — через указание на первобытную эйкумену). В этом заключается порочность тезиса об «исчезновении» предмета этнографии. Подобная трактовка просто напроосто переворачивает предмет этнографии с ног на голову. Малиновский, утверждая вроде бы то же самое, расставлял акценты иначе. Он говорил не о том, что «не может» исследователь, а о том, что «не может» исследуемое общество, которое в отличие от нашего не имеет «архивов и документов» [Malinowski 1922 : 10—12, 17]. При определении предмета этнографии нас должно интересовать не то, как *мы* получаем информацию от представителей исследуемых культур, а то, как *они* передают эту информацию друг другу.

С той точки зрения, что этнография — это наука, изучающая пласты устной культуры, проблема исчезновения предмета этнографии (конца этнографии), о которой говорят многие исследователи, вообще не существует. Даже в развитом индустриальном обществе письменность захватывает лишь некоторые сферы культуры. По всей вероятности, в основном обмен информацией по-прежнему происходит без вмешательства письменности. Возникает даже эффект нарастания потоков устной информации: расширение сферы письменной культуры ведет к расширению и усложнению сферы традиционных методов получения и хранения информации. Само понятие «преподавания» предполагает устный характер передаваемых знаний. Бесписьменная культура есть соединительная ткань письменной культуры. Таким образом, культурная ассимиляция («исчезновение» первобытных народов и урбанизация негородской части населения) вовсе не означает исчезновение предмета этнографии. Например, не утрачивая своей дисциплинарной специфики, этнография может изучать современную городскую культуру в той ее (постоянно расширяющейся) части, которая существует по законам устной традиции.

Отождествление понятия устной (традиционной) культуры с содержанием предмета этнографии позволяет лучше понять смысл довольно частых высказываний о культурных различиях

между отдельными человеческими группами — различиях, которые, по мнению Леви-Стросса, всегда были предметом этнографии [Леви-Стросс 1999 : 36]. Советская этнография нашла свой способ утверждать то же самое за счет определения понятия этноса как предмета исследования этнографии. По Ю. В. Бромлею, в понятие этноса должны входить только «этнодифференцирующие признаки» [Бромлей 1973 : 30, 31]. Письменность способствует пространственной унификации, тогда как лично-именное кодирование в силу своей природы бесконечно варьирует человеческую культуру, создавая ситуацию первобытной этнической непрерывности — явления, пока малоизученного. Современная цивилизация также подвержена этому процессу, если речь идет о тех ее элементах, которые не фиксируются в книжных или (теперь) электронных текстах. Собственно об этом писал О. Шпенглер: «Каждая культура создала для себя свое собственное естествознание, которое только для нее истинно и существует столько времени, сколько живет культура, осуществляя свои внутренние возможности» [Шпенглер 1923 : 386].

Мнение Нейрата о том, что наука является деятельностью субъекта исключительно в языковой сфере, имеет те же корни. Можно привести много других утверждений такого рода о науке, в основе которых лежит неявно выраженное представление об «этнографичности» научных теорий как следствии контаминации научных понятий значениями, берущими свое начало в терминах естественного языка, следовательно, в устных пластах той культуры, к которой принадлежит ученый, сконструировавший то или иное понятие. Рассматривая ассимиляцию первобытных народов цивилизацией прежде всего как часть процесса универсализации человеческой культуры, Леви-Стросс сформулировал важное положение относительно содержания процесса эволюции как перехода от «первобытности» (традиционности) к «современности» (цивилизации). Первобытная культура «бесписьменна», следовательно, локальна, современная — «письменна», следовательно, универсальна.

С момента своего рождения этнография прошла по крайней мере три стадии выделения ее предмета, сформировав три основные модели исследования. Из первоначального довольно аморфного представления об «истории народов» поочередно выкристаллизовывается понятие первобытной культуры («первобытных обществ»), понятие народной (крестьянской) культуры и,

наконец, понятие «городской этнографии». Это связано с постепенным развитием исследовательских программ, позволяющих использовать все более сложные модели отношения между субъектом и объектом исследования. А. К. Байбурин верно подметил, что интерес этнографов значительно возрастает при сопоставлении далеких друг от друга культур [Байбурин 1982 : 9].

Однако упомянутый им факт говорит не только о том, что естественное любопытство ученого зависит от степени его «отдаленности» от исследуемой реальности. Чем «дальше» исследуемая культура, тем выше степень отчуждения, тем проще провести границу между субъектом и объектом наблюдения, т. е. очертить предметную область исследования. Помимо прочего стремление этнографов всеми средствами «отдалить» от себя предмет своего исследования опровергает кажущееся бесспорным утверждение, что главная цель их существования как ученых состоит в изучении «человеческой природы», направленном на «совершенствование людей и общества».

«Первобытные народы» представляют самый простой случай, «этнографические» пласты городской культуры — наиболее сложный, поскольку границу приходится проводить внутри самих себя. В этом кроется секрет того, почему на «подсознательном» уровне ученые-этнографы (антропологи) в одинаковой степени рассматривают в качестве предмета исследования «первобытные общества» («племена») и «малые группы» внутри современных обществ. И тем и другим свойственна «традиционность», следовательно, «отдаленность» от исследователя как представителя современного унифицированного общества. Под определение «малых групп» подпадают и периферические молодежные группы в городской среде, создающие собственные внутренние традиции, основанные на символических (бесписьменных) формах поведения. Как пишет Т. Б. Щепанская, путь в Систему начинается с освоения символики сообщества и способов их интерпретации [Щепанская 2004 : 130].

Идея различия культуры в этнографической теории

Проблема исчезновения (существования) предмета этнографии имеет еще один аспект, связанный с тезисом о неоднородности ее предмета. Сразу можно сказать, что подобные утверждения безусловно верны в отношении «антропологии»